

в которой силы природы олицетворялись героями. В Илье они видели черты бога-громоносца. Добрыня олицетворял, по их мнению, солнце в его пассивном состоянии — активные боевые качества солнца оставлялись Илье. Садко был олицетворением мореходства, и морской бог, с которым он имеет дело, был своего рода Нептун. Чурило рассматривался как представитель демонического элемента и т. д. Так, по крайней мере, пытались объяснить былины ранние исследователи.

В. В. Стасов, в своем труде о происхождении русских былин, совершенно разрушил эту теорию. Путем очень богатой аргументации он доказал, что русские эпические песни вовсе не были отражениями славянской мифологии, но представляют заимствования из восточных сказаний. Таким образом, оказывалось, что Илья был Рустемом иранских легенд, помещенный в русскую обстановку; Добрыня является Кришной индийского фольклора; Садко — купец восточных и норманнских сказаний. Все русские эпические герои имели восточное происхождение. Другие исследователи пошли даже дальше Стасова. Они увидели в героях русской эпики малозначительных местных деятелей, живших в XIV и XV веках (Илья Муромец действительно упоминается, как историческое лицо, в одной из скандинавских хроник), которым были приписаны подвиги восточных героев, заимствованные из легенд Востока. Согласно этой теории, герои былин не имеют ничего общего с эпохой князя Владимира и еще менее с древней славянской мифологией.

Постепенная эволюция и переход мифов из одной страны в другую, причем эти мифы с успехом сливались, по мере того как они проникали в новые страны, с преданиями о местных героях, могут послужить некоторым объяснением этих противоречий. Нельзя отрицать мифологических черт в героях русской эпики; но дело в том, что эта мифология носит не специально-славянский, а общеарийский характер. Из этих мифологических олицетворений сил природы постепенно выросли на Востоке их человеческие олицетворения в форме героев.

В более позднюю эпоху, когда эти восточные легенды начали проникать в Россию, деяния их героев были приписаны русским богатырям, и восточным героям была дана русская обстановка. Русский фольклор ассимилировал их; но, сохраняя их наиболее глубокие, полумифологические черты, основные особенности их характеров, русский народ в то же самое время придал иранскому Рустему, индийскому победителю драконов, восточному купцу и т. д. новые, чисто русские черты. Он, так сказать, обнажил их от тех одеяний, которые были наброшены на Востоке на их мистическую сущность, когда они впервые были очеловечены иранцами и индийцами, и надел на них русскую одежду, — совершенно так же, как в сказках об Александре Великом, которые мне пришлось слышать в Забайкалье, героическому герою были приписаны бурятские черты, а местом действия оказывалась такая-то «сопка» из забайкальских гор. Но все же русский фольклор не ограничился простым переодеванием персидского принца Рустема в русского крестьянина Илью. Русские былины, по их стилю, поэтическим образам и отчасти по характеристике героев, являются самостоятельными созданиями народного творчества. Их герои носят отличительные черты русского характера. Так, например, они не прибегают к кровавой мести, как это бывает в скандинавских сагах; их действия, особенно у «старших богатырей», не являются результатом преследования личных целей, но проникнуты общинным духом, представляющим характерную особенность русской народной жизни. Словом, они — настолько же русские, насколько Рустем был персом. Относительно времени возникновения этих былин предполагается, что они получили начало между десятым и двенадцатым веком и приняли ту форму, в которой они дошли до нас, в XIV столетии. С того времени они подверглись лишь незначительным изменениям.

В этих былинах Россия обладает драгоценным национальным наследием редкой поэтической красоты, которое нашло достойную оценку в Англии со стороны Рольстона и во Франции со стороны известного историка Рамбо.

«Слово о полку Игореве»

Несмотря на богатство своего эпоса, Россия не имеет собственной «Илиады». Не нашлось в те времена поэта, который вдохновился бы героическими деяниями Ильи, Добрыни, Садко и т. д. и создал бы из них эпическую поэму, подобную поэме Гомера или «Калевале» финнов. Это было сделано лишь по отношению к одному только циклу преданий — в поэме «Слово о полку Игореве».

Создание поэмы относится к концу XII века или началу XIII (рукопись ее, погибшая во время московского пожара в 1812 году, носила следы XIV или XV столетия). Поэма, несомненно, является